

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СОЛДАТ ВЕРМАХТА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Г.И. КОЛЬГА

*Ямальский нефтегазовый
институт (филиал) ТюмГНГУ,
г. Новый Уренгой*

e-mail: bone59@mail.ru

На основе архивных источников, мемуаров и писем военнослужащих вермахта автор делает вывод о том, что экстремальные условия на Восточном фронте вызывали депрессию немецких солдат, с одной стороны, жестокость – с другой. Чем дольше шла война, тем более явным становилось данное противоречие, ставшее психологическим фактором коллапса вермахта в 1945 г.

Ключевые слова: радикальная демодернизация, быт немецких солдат и офицеров, депрессия, повседневность, экстремальные условия.

Современный этап развития исторической науки характеризуется усилением интереса к изучению (исследованию) проблемы «человек и война» в рамках новой отрасли – военно-исторической антропологии. Как подчёркивает основоположник этого направления в отечественной историографии Е.С. Сениявская: «Сегодня перед исторической наукой встаёт важная фундаментальная проблема – восполнение отсутствующей системности в военно-исторических исследованиях, касающихся «человеческого измерения» войн и вооружённых конфликтов, на основе обобщения отечественного и зарубежного научного опыта, использования и синтеза традиционных и нетрадиционных методов исследования с конкретно-научными подходами ряда дисциплин. Решение её возможно именно на базе конструирования военно-исторической антропологии в качестве новой отрасли исторического знания»¹. Сегодня мы становимся свидетелями взрывного роста интереса к «человеческому измерению войны», особенно среди молодого поколения российских историков. Это объясняется, с одной стороны, отказом от идеологических ограничений; с другой, – сильным влиянием на отечественную историографию новых тенденций в мировой исторической науке.

Неизбежный вывод о том, что войны проигрываются людьми, общеизвестен, но о нём часто забывают. Причины падения Третьего рейха на самом деле многочисленны. Нюрнбергский трибунал, рассмотрев улики и объявив приговор, внёс огромную лепту в прояснение политических причин поражения Германии. Военные причины, вытекающие из политических, не были столь тщательно изучены, а потому остались относительно неясными. Ещё менее изученными являются психологические факторы поражения гитлеровского рейха. Это требует изучения политики нацистского руководства в отношении военнослужащих, их быта и повседневной жизни.

В зарубежной историографии данная тема стала предметом научного интереса ещё в 80-е годы XX в., когда в ФРГ, а затем и других странах отчётливо обозначился интерес к ментальным аспектам истории Второй мировой войны². Военные историки рассматривают войну с точки зрения рядового солдата, описывая военные будни «маленького человека» на войне, исследуются проблемы отношения немецких фрон-

¹ Сениявская Е.С. Военно-историческая антропология, как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 7-8.

² Kriegsalltag. Stuttgart, 1989; Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München, 1992.

товиков к смерти, санитарного, продовольственного положения армий, раскрываются особенности образа русского солдата³.

В последние годы проблема повседневности вермахта всё чаще становится предметом научного анализа. Здесь следует упомянуть оригинальные работы американских ученых С. Харта, Р. Харта, М. Хьюза, М. Селигмана, Д. Дэвисона, Д. Макдональда, немецких исследователей – Р.-Д. Мюллера, К. Расса, К. Латцеля, А. Лемана и др.⁴ Одна из центральных тем: индивидуальные судьбы участников войны и их военный опыт, а также коллективный портрет солдата. Авторы делают вывод о «частичной идентичности мотивов солдат вермахта и целей национал-социализма».

В российской исторической науке только в 90-е гг. XX в. стали выходить отдельные работы, посвящённые вопросам военной антропологии. Одними из первых стали исследования Московской битвы М.Ю. Мягкова и А.С. Якушевского⁵, в которых авторы сделали вывод, что поражение под Москвой привело к морально-психологическому надлому солдат германских вооружённых сил, что сказалось на всём последующем ходе войны.

В 2010 г. вышла статья А.Г. Айрапетова и С.Н. Молоткова, в которой авторы на основе многочисленных воспоминаний и писем военнослужащих вермахта делают вывод: в ходе военных действий поражения немцев в России «привели к психологическому надлому немецких фронтовиков»⁶.

На наш взгляд, сделанные выводы и так очевидны, поэтому для углублённого раскрытия темы следует привлечь более обширный круг источников. Тем более, что рассекречены новые архивные документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА), фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Собранные нами сведения позволяют изучить организацию повседневной жизни военнослужащих вермахта и ответить на вопрос: какое влияние военная повседневность оказывала на их психологическое состояние и к каким последствиям привела на Восточном фронте.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. развязало войну, которая не была похожа ни на одну из прежних войн. Жестокость, проявленная в ходе этой войны, не имела себе равных в истории, причём значительная часть жестокостей совершалась представителями вермахта. Это и неудивительно. Германские солдаты, много лет подвергавшиеся воздействию расистской пропаганды, склонны были рассматривать русских людей как примитивных «недочеловеков», жизнь которых ничтожна. Вряд ли можно было ожидать, что солдаты с такими взглядами будут гуманно относиться к населению завоёванных земель.

Хорошо известны приказы Верховного главнокомандования относительно оккупационной политики вермахта: «О применении военной юрисдикции в районе «Барбаросса», «Об усмирении деревень», «Об отправке русской рабочей силы в рейх», «Об обращении с политическими комиссарами», «О поведении войск в Восточном пространстве» и т.п.⁷

³ Beyer W.R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M., 1987; Stalingrad. Mythos, Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M., 1992; Stalingrad: Ereignis, Wirkung, Symbol. München – Zürich, 1992.

⁴ Харт С., Харт Р., Хьюз М. Рядовые вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны. М., 2006; Селигман М., Дэвисон Д., Макдональд Д. В тени свастики: жизнь в Германии при нацистах, 1933-1945. М., 2008; Rass Ch. «Menschenmaterial». Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939-1945. München, 2003; Lehmann A. Krieg – Urlaub – Gastarbeiter. Zur Erfahrung "des Ausländers" in der Lebensgeschichte von Hamburger Arbeitern // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. XXIV. 1984; Latzel K. Deutsche Soldaten - nationalsozialistischer Krieg? Kriegerlebnis - Kriegerführung 1939-1945. München, 1998.

⁵ Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941-1942 гг. М., 1999; Якушевский А.С. Реакция германской общественности на битву за Москву (по материалам секретных донесений гитлеровских спецслужб). 50-летие победы в битве под Москвой. М., 1993.

⁶ Айрапетов А.Г., Молотков С.Н. Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект) // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 32-46.

⁷ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). М., 1974 (приложение).

Мирных жителей в России грабили, расстреливали, вешали или убивали иными способами, угоняли на принудительные работы. Рабочие становились практически рабами и должны были впроголодь заниматься непосильным трудом⁸. Итоговые данные о гибели гражданского населения СССР в период фашистской оккупации следующие: преднамеренно истреблено гражданского населения - 7 420 379 человек, погибло на принудительных работах в Германии - 2 164 313 человек, погибло от жестокостей оккупационного режима - 4 100 000 человек, всего уничтожено - 13 684 692 человек. Следовательно, количество погибших мирных граждан во время оккупации составило больше половины всех жертв СССР (13,7 млн. против 26,6 млн. человек).⁹

Гитлеровское военно-политическое руководство использовало разнообразные методы для поддержания морального духа военнослужащих вермахта и высокой боевой эффективности.

Награды. Как и все армии, германская армия отмечала боевые подвиги своих солдат разнообразными поощрениями и наградами. Высшие награды, конечно, доставались старшим офицерам, но некоторые ордена и медали могли получить и рядовые. За выдающийся героизм рядовой солдат мог получить Железный крест второго класса. Последующие, особо смелые действия отмечались Железным крестом первого класса. Во время войны было выпущено около 2,3 миллиона Железных крестов второго класса (один из восьми солдат получил такой Крест), 300 000 Железных крестов первого класса (один солдат из 60)¹⁰.

Высшей военной наградой для офицеров стал Рыцарский крест разных степеней: 1. Рыцарский крест (всего награждено 6973 человека); 2. Рыцарский крест с Дубовыми листьями (853 награждённых); 3. Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами (150 награждённых); 4. Рыцарский крест с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами (27 награждённых); 5. Рыцарский крест с Золотыми Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами (1 награждённый – лётчик пикирующего бомбардировщика Ганс-Ульрих Рудель, на счету которого было 2530 боевых вылетов, крейсер «Марат» и 519 советских танков); 6. Великий крест – его был удостоен Геринг¹¹.

Официально никто не объявлял, что Рыцарский крест после войны автоматически обеспечит его кавалерам «рыцарское поместье» на Востоке, но в войсках это считали делом решённым. Планировались и поощрительные поселения ветеранов вермахта на восточных территориях¹².

Превознесение героев было частью нацистской идеологии. В Третьем рейхе солдатская смерть рассматривалась в публицистике и беллетристике как путь к продолжению жизни нации, а в других странах – как жертва нации; это различие порождало и разную боевую мораль¹³. Подход Гитлера к войне имел романтический налёт, что находилось в противоречии с характером войн XX века, в которых побеждал тот, у кого было больше материальных и людских ресурсов¹⁴. Э. Нольте в своём исследовании природы тоталитарных систем указывал на романтический флёр во всех суждениях Гитлера о войне и стратегии, о слиянии поэзии и прозы в натуре Гитлера, о его инфантильной приверженности героическому, возвышенному, яркому, уникальному.¹⁵ Именно поэтому Гитлер осознанно и целенаправленно насаждал культ героического в немцах; даже в искусстве Гитлер хотел видеть в первую очередь воз-

⁸ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992. С. 80-107.

⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев и др. М., 2009. С. 48.

¹⁰ Харт С., Харт Р., Хьюз М. Рядовые вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой. С. 14.

¹¹ См.: Davis B.L. McGregor M. Badges and Insignia of the Third Reich, 1933-1945. UK, Blandford Press, 1983; Пленков О.Ю. Третий рейх. Война: кризис и крах. СПб., 2005. С. 204.

¹² Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt-am-Main, 1999. S. 34.

¹³ Baird J. To Die for Germany. Bloomington, 1990, passim.

¹⁴ Lucacs J. The Hitler of History. New York, 1998. P. 136.

¹⁵ Nolte J. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 360.

вышенную и обязывающую к героическому миссию и стремление к самоотверженному фанатизму. Романтизация войны находила сочувствие и понимание у ветеранов Первой мировой войны и молодёжи, составлявшей социальную базу вермахта¹⁶.

Денежное довольствие. Каждый военнослужащий германской армии за несение действительной службы в военное время на основании закона от 1939 г. «О денежных компенсациях военного времени»¹⁷ получал необлагаемое налогами военное денежное довольствие. Ежемесячная зарплата фельдмаршала вермахта составляла 2 800 рейхсмарок (далее RM), генерал-полковника – 1 927,5 RM, генерала – 1 762,5 RM, генерал-лейтенанта – 1 400 RM, генерал-майора – 1 167,5 RM, полковника – 930 RM, подполковника – 710 RM, майора – 592,5 RM, капитана – 427,5 RM, оберлейтенанта – 272,5 RM, лейтенанта – 200 RM, штабс-фельдфебеля – 175 RM, оберфельдфебеля – 170 RM, фельдфебеля – 160 RM, унтер-фельдфебеля – 157,5 RM, унтер-офицера – 140 RM, штабс-ефрейтора – 90 RM, обер-ефрейтора – 77,5 RM¹⁸.

При наличии иждивенцев каждый военнослужащий получал (даже являясь военнопленным) пособие (т.н. «боевые») на семью. «Боевые выплаты» составляли: для семей фельдмаршалов – 300 RM, генерал-полковников – 270 RM¹⁹, генералов – 240 RM, генерал-лейтенантов – 210 RM, генерал-майоров – 180 RM, полковников – 150 RM, подполковников – 120 RM, майоров – 107,5 RM, капитанов – 95 RM, оберлейтенантов – 80 RM, лейтенантов – 70 RM, штабс-фельдфебелей – 60 RM, оберфельдфебелей – 60 RM, фельдфебелей – 52,5 RM, унтер-фельдфебелей – 45 RM, унтер-офицеров – 40 RM, штабс-ефрейторов, обер-ефрейторов, ефрейторов, старших рядовых и рядовых – 35 RM²⁰.

Поскольку денежное обращение рейхсмарок за пределами Германии было запрещено, в соответствии с приказом по вермахту от 1 апреля 1942 г. были произведены следующие котировки валют в Табели денежного довольствия командного состава: «b) В имперских областях вне Германии... для группы... “генерал-полковники” и “генерал-адмиралы” устанавливается следующее жалование: в Генерал-губернаторстве - 810 злотых, в Норвегии - 711 крон, в Дании - 663 кроны, в Голландии - 306 гульденов, в Бельгии - 4 218 франков, во Франции - 6 480 франков, в Италии - 2 577 лир, в Словакии - 3 924 кроны, в Венгрии - 555 пенго, в Хорватии - 6 750 кун, в Сербии - 6 750 динар, в Румынии - 27 000 лей, в Болгарии - 11 070 левов, в России - 3 375 рублей»²¹. Официальный курс между маркой и рублем был установлен 1:10²².

Медицинская служба (“Sani”). В начале войны штаты медицинской службы вермахта были значительно увеличены, за счёт гражданских врачей, призванных на воинскую службу. Сёстры Красного Креста в пехотных дивизиях не служили²³. Врачи всегда были наготове и всегда были там, где требовалась их помощь. Многие командиры немецких пехотных частей высказывают благодарность военным медикам. Так, Г. Гейер, командующий IX армейским корпусом в Восточном походе пишет: «Особой благодарности заслуживает работа санитарной службы. При отступлении из Рузы в декабре 1941 г. 8 300 раненых и больных из различных подразделений были эвакуированы из нашей области в течение нескольких дней, и ни один не остался во власти врага»²⁴.

¹⁶ Haffner S. Geschichte eines Deutschen. Erinnerungen. 1914-1933. Stuttgart, 2001. S. 22.

¹⁷ Молот войны. Полная энциклопедия немецкой армии 1933-1945. Мн., 2010. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 25-27 (пересчитано в RM по курсу: 1 рейхсмарка равнялась 40 центам).

¹⁹ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3. Л. 42, 42 об.

²⁰ Молот войны. С. 25-27 (пересчитано в RM по курсу: 1 рейхсмарка равнялась 40 центам).

²¹ РГВА, ф. 1280, оп. 2, д. 3, л. 42.

²² Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. М., 2004. С. 214-215.

²³ Международные конвенции о законах и обычаях войны // Итоги второй мировой войны. Выводы победленных. М., СПб, 1998. С. 556.

²⁴ Гейер Г. От Буга до Кавказа: IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года. М., 2004. С. 186.

Однако и врачи часто оказывались беспомощными. С декабря 1941 по март 1942 гг., на Восточном фронте убыль личного состава в войсках вермахта составила: в группе армий «Север» – 156 400 чел., в группе армий «Центр» – 436 900 чел., в группе армий «Юг» – 129 900 чел., а общая убыль личного состава – 723 200 чел. Заболевания немецких солдат вследствие простуды зимой 1941-42 гг. достигли 228 тыс. Число возвратившихся на фронт после излечения составило: спустя 3 месяца – 40 %, спустя 6 месяцев – 70 %, спустя 12 месяцев – 85 % от общего числа. Смертность вследствие обморожений составила 1,55%²⁵. В 1942-43 гг. 47,7% раненых и больных вермахта было возвращено в строй усилиями медиков²⁶.

Каждый германский офицер, завершив бой, был обязан эвакуировать с поля боя повреждённую боевую технику, вынести раненых и тела убитых. Немцы хоронили своих солдат с воинскими почестями, в гробах, и каждого в своей могиле. Каждому полагался свой собственный крест²⁷. В каждом выпуске бюллетеня «Сообщения Верховного командования сухопутных сил» публиковались списки и фотографии погибших и раненых²⁸.

Отпуска. В ходе войны командование вермахта придерживалось политики щедрого предоставления отпусков своим солдатам. Каждому военнослужащему полагался ежегодный 14-дневный отпуск²⁹. Кроме того, солдатам и офицерам вермахта предоставлялись отпуска сроком до 21 суток в следующих случаях: а) для отдыха и реабилитации после ранения; б) для поступления в университет³⁰; в) как награда за боевые заслуги; г) в случае смерти близкого родственника³¹; д) для решения хозяйственных проблем; е) для ликвидации ущерба от бомбардировок, понесённого семьёй, или в других чрезвычайных обстоятельствах³². При этом предоставлялись десятидневные отпуска жёнам во время отпусков их мужей-фронтовиков³³, и даже до конца отпусков мужей, если женщина обеспечивала себе замену на работе³⁴. Поэтому около 10% личного состава вермахта постоянно находилось в отпуске. Такая политика была нацелена на поддержание боевого духа солдат и высокой боевой эффективности. Однако в 1944 г. отпуска были отменены, за исключением случаев тяжёлых заболеваний и ранений³⁵.

Досуг. Германские государственные радиостанции часто передавали концерты по заявкам для войск. В дневнике рядовой Группе пишет: «По вечерам я сижу перед репродуктором и под звуки этих мелодий погружаюсь в воспоминания и мечты о будущем». «В передвижной радиостанции рядом с моей палаткой включили радио, - пишет солдат В. Прюллер. – Там играют «Слышишь мой тайный зов?». – Боже мой! Как замечательно...»³⁶.

Часто на передовые позиции выезжали артисты с *эстрадными концертами для фронтовиков*. Однако такие попытки иногда давали противоположный эффект, поскольку, как заметил об одном из таких концертов солдат К. Хансман «Мы здесь чужие. Этот искусственный мир для нас слишком неубедителен! Мы злы... За 15 месяцев кровавой бани на просторах России мы привыкли к другой стороне жизни. Мы не можем больше слушать их музыкальную чушь... Потом мы видим... реки

²⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2002. С. 294, 650.

²⁶ См.: Buchner A. German Infantry Handbook, 1939-1945. West Chester, PA, Schiffer Military History, 1991.

²⁷ Суворов В. Тень Победы. Донецк, 2008. С. 312-313.

²⁸ РГВА, ф. 1280, оп. 2, д. 1, 1а, 2, 3, 4, 5; ф. 1467, оп. 1, д. 15, д. 17.

²⁹ Харт С., Харт Р., Хьюз М. Рядовые вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой. С. 16.

³⁰ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3, л. 1.

³¹ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3, л. 1, 1 об.

³² Молот войны. Полная энциклопедия немецкой армии 1933-1945. С. 28.

³³ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 12. Л. 51.

³⁴ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 12. Л. 35-36.

³⁵ Молот войны. Полная энциклопедия немецкой армии 1933-1945. С. 28.

³⁶ Краут Д. «Окопная правда» вермахта. М., 2009. С. 102.

крови..., разбитые жизни, сожжённые жилища... Сквозь музыку мы слышим визг, крики, видим убитых и раненых... Мы... не можем это выносить»³⁷.

Государство всячески поощряло *переписку* солдат с домом. Постоянной темой фронтовых газет, распространявшихся в немецких частях, было напоминание о важности писем для поддержания душевного благополучия солдат на передовой. В каждом выпуске газеты кричали, что «полевая почта – это оружие», что письма – «своего рода витамин для души, который воодушевляет уставшие сердца». Письма сравнивали с «важными нервными волокнами, идущими из внешних слоёв в глубь огромного тела германского народа». «Если почта не пришла, считай, день прошёл впустую, - жаловался Г. Милерт в январе 1943 г. – Всего несколько строчек способны бросить на эти пустынные места бодрящий розовый отсвет»³⁸.

Почта перлюстрировалась, поэтому в письмах солдаты не могли выразить весь тот ужас, в котором они находились много дней подряд, не будучи уверенными, что удастся выйти из этого ада. Пересылка телеграмм с фронта разрешалась в исключительных случаях. Для этого: «1. Отправитель должен иметь веский повод к пересылке... телеграммы. 2. Текст должен содержать не более 8 слов»³⁹.

Чтобы морально поддержать солдат, власти нацистской Германии для службы в войсках призвали большое количество священников. Приказом по вермахту от 24 октября 1939 г. вводились служебные инструкции для полковых священников, которые получали статус военных чиновников. Каждая пехотная дивизия располагала двумя священниками: католическим и протестантским. Несмотря на противоречия, существовавшие между католичеством и протестантизмом, священники обычно ладили между собой и помогали друг другу. Священники проводили службы по официальным поводам, а также перед началом крупных сражений. Хотя участие в религиозных обрядах было добровольным, обычно солдаты накануне сражения приходили причаститься⁴⁰.

Питание. По сведениям П. Кареля, в 1941 г. установлен следующий *рацион по основным продуктам питания*: хлеб – 650 г, масло сливочное или жир - 45 г, колбаса или сыр - 120 г, мясо – 120 г, мармелад - 200 г, натуральный кофе - 5 г, заменитель кофе - 10 г, сигареты – 6 шт. ⁴¹

В 1943 г. суточный рацион питания для немецких солдат и офицеров был уменьшен на основании Приказа ОКВ от 5 апреля 1943 года «Об изменении комплекта продовольственного снабжения». Данные таблицы №1, демонстрируют четыре комплекта продовольственного снабжения.

Таблица № 1⁴²

Комплекты продовольственного снабжения для вермахта

Комплект	Хлеб суточный рацион (г)	Жир (на хлеб) суточный рацион (г)	Сахар суточный рацион (г)	Котлеты недельный рацион (г)	Мясной недельный рацион (г)
I	700	50	40	45	1 050
II	700	40	40	35	800
III	700	40	30	70	700
IV	600	30	30	115	600

Комплект I получали все соединения в районах армий Восточного фронта, в Северной Норвегии и в Сицилии; комплект II предназначался для соединений в «прифронтовых районах» Восточного фронта, войсковых подразделений на время их боевого применения; комплект III получали войска вермахта, которые выполняли

³⁷ Краут Д. «Окопная правда» вермахта. М., 2009. С. 104.

³⁸ Там же. С. 113, 116.

³⁹ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3. Л. 10б.

⁴⁰ См.: Buchner A. German Infantry Handbook, 1939-1945. West Chester, 1991.

⁴¹ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941-1943. М., 2005 (илл.).

⁴² РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3. Л. 2, 3.

задания в областях дружественных и союзных стран, если они не попадали под комплекты I или II; комплект IV предназначался всем подразделениям, готовившим пополнение⁴³.

Однако для многих солдат, особенно на Восточном фронте, еда в достаточном количестве была постоянной проблемой. «Главной сложностью для нас было продовольствие, – говорит Ги Сайер. – Мы охотились, ставили силки, грабили гнезда... Глаза у нас блестели, как у голодных волков. Желудки были пусты, котелки были пусты, а на горизонте не было ни малейшего проблеска надежды. В глазах, сверкавших от голода, таились кровожадные мысли. Голод создаёт в мозгу интересное настроение». Сайеру довелось наблюдать дикую сцену того, как оголодавшие немецкие солдаты «больше не сражались из каких-то душевных побуждений, а лишь, словно волки, были напуганы голодом». Эти солдаты «больше не отличали своих от врагов и были готовы убить меньше чем за четверть порции еды... Эти мученики голода... были готовы убить за литр козьего молока, за несколько картофелин, за полкило пшеницы... Словно загнанное животное, стремящееся выжить, каждый думал только о себе самом»⁴⁴.

Солдаты и офицеры вермахта *снабжались сигаретами и спиртными напитками*. Их недостаток можно было всегда восполнить в маркитантских лавках, которые сопровождали войска⁴⁵. Однако в России немецким солдатам приходилось употреблять и спиртные напитки местного производства – «русский шнапс» (самогон). 8 июня 1944 г. командир батальона капитан Лемке издал приказ: «Выгоняемый русскими шнапс содержит в себе много примесей, делающих его очень вредным для здоровья. Поэтому употреблять его военнослужащим запрещено». Но немецкие солдаты на это не обращали внимания. Так, 9 ноября 1941 г. «выпив алкоголь из захваченной советской цистерны, 95 солдат заболели и 10 умерли»⁴⁶.

Быт. Каждый немецкий пехотинец нёс на себе до 30 кг амуниции: стальную каску, винтовку, шанцевый инструмент, оловянный котелок, алюминиевую ложку-вилку, походную плитку, шомпол для чистки оружия, сменное бельё, колья для палатки, плащ-палатку, набор ниток с иголками, бритвенный прибор, мыло и пакет презервативов⁴⁷.

С наступлением холодов в России у немцев стали возникать проблемы в связи с отсутствием тёплой одежды. Так 2 августа 1941 г. генерал-интендант Клебергер докладывал начальнику Генштаба Ф. Гальдеру о возникших проблемах с обувью и зимним обмундированием, поскольку их запас составлял всего 5% общей потребности⁴⁸. Это и понятно, ибо одержать победу в России Верховное командование вермахта рассчитывало до наступления осенних холодов⁴⁹.

Впервые эта проблема проявилась в ходе советского контрнаступления под Москвой. Именно тогда появилось выражение «генерал-мороз», якобы заставивший вермахт отступить от Москвы. На самом деле гитлеровские генералы прозевали момент начала возрождения Красной Армии. Так, в Демянском котле, где весной 1942 г. были окружены 6 дивизий вермахта, впервые стало проявляться одичание немецких солдат, которые «спят вповалку в грязных, тёмных, душных и холодных землянках... Правила гигиены соблюдать было невозможно, моментально распространились кожные инфекции, вши»⁵⁰.

⁴³ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3. Л. 3, 3об.

⁴⁴ Краут Д. «Окопная правда» вермахта. С. 154-156.

⁴⁵ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3. Л. 8.

⁴⁶ Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2003. С. 327.

⁴⁷ Latzel K. Deutsche Soldaten - nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis - Kriegserfahrung 1939-1945. München, 1998. S. 245.

⁴⁸ Гальдер Ф. Военный дневник, 1941-1942. М., 2003. С. 259.

⁴⁹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 7 т. М., 1958. Т. 2. С. 559.

⁵⁰ Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. New York, Oxford. 1991. P. 16.

В ноябре 1942 г. в Сталинграде была окружена 300-тысячная группировка немцев. Письма солдат из окружения выражают их отчаяние. Вот строки из писем: «13 января 1943. Россия. Сижу теперь здесь, неумытый и небритый, как свинья... Ваш Нис». «Здесь суровые морозы, большие метели... К тому же мучения со вшами... Дядя Карл». «Увидев меня, вы очень бы удивились моей внешности, – пишет один солдат, – я так похудел, что стал похож на полуголодную собаку... И это объяснимо: 20 г хлеба, 37 г мяса и 50 г масла – таков наш дневной рацион»⁵¹.

Из личных воспоминаний немецких солдат становится всё очевиднее, что эта война отличалась от других войн своей тяжестью и продолжительностью. Кажущаяся беспредельной протяжённость территории, суровая зима, усиливающаяся боеспособность противника, враждебность населения – всё это усиливало чувство обречённости, брошенности на произвол судьбы, вынужденной зависимости от своих товарищей, воинской части. При удалённости на тысячу километров от родины взвод и рота заменяли солдату семью. Распад таких коллективов для солдат был равносильен катастрофе⁵².

Безнадёжно проигранная операция «Цитадель» под Курском не была отменена из-за той идеологически искажённой среды, которая доминировала в германских военных кругах. По мере ухудшения стратегической ситуации на Востоке, немцы всё больше подчёркивали в войсках своё расовое превосходство. Однако эти идеологические «розовые очки» не позволили немцам осознать, насколько быстро Красная Армия улучшила свои способности в течение 1942-1943 гг.⁵³

С наступлением новой военной зимы 1943-1944 гг. солдаты вермахта вынесли суровые испытания при отступлении с территории СССР. Военврач вермахта Ловис Гремлица описывал как больной диареей, ослабевший немецкий капитан лежал, примёрзнув к луже собственного поноса, и умолял его пристрелить⁵⁴. Немецкий ветеран Ги Сайер писал: «Никто не покрыл себя славой, сражаясь против русских. Мы вели другой бой – бой против мороза, усталости, грязи, вшей. Этот бой стал частью повседневной жизни»⁵⁵.

Утратив самообладание, солдаты поддавались ужасу, способному лишить человека возможности действовать. Как отмечал Сайер, «усталость, не покидавшая нас уже много дней, усиливала страх, который мы больше не могли контролировать. Страх же усиливал нашу усталость, поскольку требовал постоянной бдительности... Непреодолимая усталость действовала как наркотик, поэтому мы были «едва способны двигаться даже под огнем». «...Будто проживаешь одновременно две жизни. Сон и явь перемешиваются. Я чувствовал себя так, будто, потерявшись во времени, глубоко сплю, и мне снится артобстрел. Мои товарищи продолжали говорить, и я слушал их, но на самом деле не слышал их слов». «Мы потеряли способность думать, двигались без единой мысли в голове»⁵⁶.

Падение дисциплины и наказания. Особое распоряжение по вермахту о наказаниях за военные преступления (§5), вступившее в силу в августе 1939 года, требовало расстрела за дезертирство.⁵⁷ Для поддержания дисциплины Указом фюрера от 21 июня 1943 г. вводились особые военно-полевые суды⁵⁸. По данным архивов за 1943 год из числа дел, произведённых военно-полевыми судами, 0,12% приходится

⁵¹ Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Вып. 2: Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: Материалы Международной научной конференции, Волгоград, 3-5.04.2003 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 98.

⁵² Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. P. 16.

⁵³ Энциклопедия Второй мировой войны. Перелом в ходе войны (осень 1942 - осень 1943). М., 2007. С. 80.

⁵⁴ Селигман М., Дэвисон Д., Макдональд д. В тени свастики: жизнь в Германии при нацистах. С. 46.

⁵⁵ Сайер Г. Последний солдат Третьего рейха. М., 2003. С. 306.

⁵⁶ Там же. С. 232.

⁵⁷ Ullrich V. Fünf Schüsse auf Bismarck. Historische Reportagen, 1789-1945. München, 2003. S. 180-181.

⁵⁸ РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 1. Л. 6, 6 об.

на дезертиров, 1,19% - на самоубийц, 12,42% - на штрафников, 0,34% - на жалобы военнослужащих⁵⁹. По сведениям Зейдлера, в 1941 г. было выявлено 1 302 дезертира, в 1942 г. - 1 866, в 1943 г. - 13 836, в 1944 г. - 17 283 (только в армии запаса)⁶⁰. В связи с таким ростом количества дезертиров, была продемонстрирована готовность режима при необходимости казнить преступников. К 1945 г. «летучие трибуналы» объезжали окрестности, арестовывая солдат, блуждающих в тылу, и казня их после спешных судов. Хотя точных данных нет, но общее их число приблизительно равняется по разным источникам от 15 000 до 20 000 чел. Из них 75-80% - виновные в «политических» преступлениях⁶¹.

Ужесточение дисциплины тяжким бременем ложилось на плечи солдат. Например, печально известные штрафные батальоны считались практически аналогом смертной казни. В своём романе «Сталинград» Т. Пливир описывал одно из таких подразделений, занимавшее опасный участок Восточного фронта: «Срок наказания необходимо отбывать на переднем крае. Наказание заключается в выполнении наиболее сложных и опасных работ, таких как разминирование, захоронение убитых и т.п. под огнём противника». Ги Сайер пишет, что страх перед штрафными батальонами служил мотивацией для него и его товарищей⁶².

«Примитивные условия войны на Восточном фронте, - пишет американский историк О. Бартов, - способствовали возникновению одного из самых крупных парадоксов истории Второй мировой войны: подразделения вермахта на Восточном фронте подверглись радикальной демодернизации... Несмотря на растущее военное производство в Германии, большая часть воевавших в России солдат жила и воевала в примитивных условиях»⁶³.

Немецкий историк Ф. Ремер, исследовавший эскалацию насилия на Восточном фронте, установил что, в общем всё укладывалось в единую схему: чем дольше продолжалась война, тем она становилась ожесточённой⁶⁴. Эту же мысль проводит и О. Бартов, убедительно доказав, что длительная «битва титанов» привела к «варваризации способов ведения войны»⁶⁵.

Представитель новой демократической волны немецких учёных Х. Геер считал, что на Восточном фронте от 60 до 80% солдат вермахта были причастны к преступлениям. В целом около 10 млн. немецких солдат участвовали в походе на Россию, значит, среди них было 6-8 млн. преступников. Практически в каждой немецкой семье, таким образом, был свой военный преступник⁶⁶.

В целом, за период с 1 сентября 1939 г. по 9 мая 1945 г. вооружённые силы Германии потеряли убитыми и ранеными, по неполным данным, 13 448,0 тыс. чел., или 75,1% от числа мобилизованных в годы войны, 46,0% всего мужского населения Германии (на 1939 г.), включая Австрию. На советско-германском фронте (с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.) безвозвратные потери вермахта составили 8 876 300 военнослужащих⁶⁷.

Таким образом, в годы войны главной задачей германского руководства являлось доведение до военнослужащих её целей, поддержание боевого духа солдат и высокой боевой эффективности. Это делалось с помощью моральных и материальных стимулов. **В идеологическом плане**, упор, сделанный нацистским государством на

⁵⁹ РГВА. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 15. Л. 34.

⁶⁰ Seidler F. Die Fahnenflucht in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1977. Н. 1. S. 30.

⁶¹ Пленков О.Ю. Третий рейх. Война: до критической черты. СПб., 2005. С. 259.

⁶² Краут Д. «Окопная правда» вермахта. С. 122.

⁶³ Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. P. 335.

⁶⁴ Кнош Г. История вермахта. Итоги. СПб, 2009. С. 117.

⁶⁵ Цит. по: Bartov O. The Eastern Front and the Barbarization of Warfare. London, 1985. P. 116.

⁶⁶ Кнош Г. История вермахта. Итоги. С. 136.

⁶⁷ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. С. 376.

страх перед наказанием, групповую сплочённость, самопожертвование, обеспечивал более решительные действия немецких войск и более чёткое ощущение ими своего предназначения. Однако неопровержимый факт заключается в том, что они упорно сражались на службе режима, замешанного в непревзойдённых по своей жестокости преступлениях.

В **материальном отношении** нацистские лидеры делали всё возможное, чтобы обеспечить своих военнослужащих всем необходимым – питанием, денежным довольствием, наградами, заботились о солдатском быте.

Однако, неудачи блицкрига в России, гибель многих немецких солдат, трудности повседневной жизни постепенно разрушали регионально структурированное организационное строение вермахта, приводили к его демодернизации. Это вызывало страх, усталость и депрессию солдат с одной стороны, агрессивность и чувство мести – с другой. В сочетании с зазубренными постулатами о превосходстве арийской расы и извращённым понятием о долге и дисциплине, данное противоречие затягивало войну, способствовало её дальнейшему ожесточению. Чем дальше шла война, тем сильнее развивалось данное противоречие, ставшее психологическим фактором коллапса вермахта, наступившего в мае 1945 г.

PSYCHOLOGICAL CONDITION WEHRMACHT'S SOLDIERS ON THE SOVIET-GERMANY FRONT

G.I. KOLGA

*Jamal Oil and Gas Institute
(the branch) of Tyumen State oil
and gas University, New Urengoj*

e-mail: bone59@mail.ru

Based on the archives documents, diaries and memories of Wehrmacht military men, the author makes the main conclusion is that extreme conditions on the Eastern front caused the depression among German soldiers from one side and the cruelty from the other side. The longer the war the stronger this contradiction was which became the psychological reason of Wehrmacht's collapse in 1945.

Key words: radical demodernization, household activities of German soldiers and officers, depression, daily occurrence, extreme conditions.